

О. А. Николаенко

**ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАМЯТИ
(На примере поляков юго-западных губерний
Российской империи в конце XIX — начале XX в.)**

Проблемы исторической памяти, ее особенности, динамика, воспроизводство становятся центральными для историков, которые являются одними из ее производителей. Однако память формируется не только и не столько историческими трудами, сколько собственным пережитым опытом, семейными преданиями, рассказами школьных учителей, государством, поддерживающим память об определенных событиях. Любое архитектурное сооружение, газетная статья, этнический фестиваль или художественная выставка прочно входят в наше сознание, трансформируя исторические образы, влияя на индивидуальную и преломляя коллективную память общественных групп.

Образы прошлого укореняются в нашем сознании подобно схемам, что является причиной существования стереотипов. Именно они затрудняют диалог, вызывают непонимание, иногда могут служить причиной массовых конфликтов. Сегодня историку предстоит пробиваться сквозь прочную стену исторических стереотипов к поиску того, что же послужило их источником. Для этого необходимо обратиться к истокам формирования представлений о прошлом, которые человек получает в детстве.

Одним из наиболее влиятельных социальных институтов формирования памяти является семья. А ведущей фигурой социализации человека в семье выступает женщина — мать, бабушка, сестра, няня. Благодаря этим женщинам человек получает знания о своем происхождении, истории своей семьи, рода, а далее о коллективной истории — группы, нации, государства. Память в ее «женском» измерении становится первичной памятью человека.

Значительное место семейная память занимает в обществах, лишенных государственности или проживающих в окружении иных этносов, испытывающих ограничения в доступе к коллективной памяти своей нации или класса. Именно в таких условиях формировалась память поляков, проживающих в юго-западных губерниях Российской империи. Испытывающие притеснения в культурной сфере, обучавшиеся в имперских учебных заведениях, только в семье или близком кругу соотечественников поляки черпали представления о прошлом своей родины.

Цель данного исследования — проанализировать стратегии формирования памяти в семье, роль женщин в конструировании национальной и культур-

ной памяти. Для этого мы проанализируем влияние, оказываемое женщинами в польских семьях на формирование исторических представлений, опишем пути производства памяти и ее гендерные особенности. Ключевые события польской истории и их интерпретация в семейной памяти позволяют выявить травму и пути ее преодоления в национальной памяти.

Источниками для написания данной работы являются воспоминания поляков, проживавших в юго-западных губерниях Российской империи в конце XIX — начале XX в. Они открывают страницы семейной истории и позволяют увидеть гендерный аспект производства памяти. К исследованию были привлечены источники, находящиеся в архивах и библиотеках Польши, сгруппированные по территориальному признаку. Их многообразие позволило отобрать около тридцати нарративов, непосредственно задействованных в работе.

Особенность источниковой базы определила методологию исследования. В нарративах, представляющих собой иногда достаточно объемные книги, избирались определенные единицы текста, позволяющие судить о том, что в данный момент у автора формировались представления о прошлом. Нельзя сказать, что эти единицы анализа представляют собой определенные смысловые единицы, ведь зачастую никто целенаправленно не стремится познать прошлое. Однако упоминания о семейных вечерах и рассказанных в это время легендах, чтении определенных книг, праздновании каких-либо событий, традициях дома дают представление о путях формирования знаний о прошлом и о роли женщины в этом процессе.

Индивидуальная память человека, автора источника, в течение жизни встраивается в коллективную память — семьи, рода, группы, класса, этноса. В процессе перехода от индивидуальной к коллективной памяти происходит трансформация обеих. Быстротечная память поддается фильтрации, и в результате мы имеем только шаблоны, легко вписывающиеся в коллективные представления. Сложный процесс искривления индивидуальной памяти, а вместе с тем и деформация коллективной отсекает все, что не находит себе места в общей типовой схеме. Именно эти особенности необходимо учитывать при работе с источником.

Другим, не менее важным, фактором является социальная обусловленность памяти, а соответственно и нарратива как ее производителя [8, с. 44]. Используемые воспоминания были написаны в межвоенный период, когда Польша, восстановив независимость, становилась мощной европейской державой. То, что помнилось и что забывалось, зависело от господствующего дискурса. Из памяти вытеснялось то, что в обществе считалось неприкрытым, не представляющим ценности, одновременно преувеличенное значение придавалось тому, что ставилось в пример. Сохранение польскости и памяти о своем государстве было той осью, вокруг которой выстраивались названные нарративы.

Как известно, женская память более восприимчива, более эмоциональна. Сегодняшние исследования памяти и процесса запоминания доказали, что при одинаково хорошем воспроизводстве текстов женская память имеет свои особенности. Так, женщины вспоминают не только события, но и людей, принимавших в них участие, они сохраняют больше деталей, подробностей, конкретных фактов [3, 4]. В женских историях больше непрямо́й речи, т. е. рассказыва-

ется как бы об общепринятом, а не от имени автора, в них больше диалогов [10, p. 17]. В женских воспоминаниях большее место занимают рассказы о частной жизни с описаниями деталей и подробностей [5]. Именно эти особенности делают женские нарративы более ценными источниками, раскрывающими особенности формирования индивидуальной памяти.

Женское влияние на детей во многих польских дворянских семьях было доминирующим. Матери заботились не столько о детях, сколько об их воспитании. В источниках часто повторяются утверждения, что матери давали первоначальные представления о религии и музыке. В доме Е. Покрывницкого «религиозная мать приучала детей к вере», в домах Ю. Ивашкевича, С. Краузовой — давала первые уроки музыки [25, s. 32; 12, s. 17; 17, s. 29].

Именно католическая религия служила одним из базовых символов идентичности поляков. Уменьшение влияния католической церкви в начале XIX в. в связи с упрочением позиций православия в юго-западных губерниях воспринималось поляками как тяжелое испытание, требовавшее от них преданности своей вере. Поддержка католицизма стала одной из основных стратегий формирования польской нации в данном регионе, позволявшей не ассимилироваться с окружающим населением.

Если воспитанием детей занимались не матери, а источники представляют информацию и о таких случаях [7, s. 10], дети попадали под влияние нянечек или родственниц. В доме П. Подгорского после смерти матери детей воспитывала приглашенная родственница, а няни занимались детьми у Ю. Ивашкевича и А. Растворовского [24, s. 6; 12, s. 29; 27, s. 10].

Следующие воспоминания об общении с матерями касаются времяпровождения и совместной деятельности. Дети и взрослые совместно проводили вечера, музицировали, ставили спектакли, готовились к праздникам. И во всех этих мероприятиях ведущую роль также играли женщины.

Воспитание патриотического духа, которым гордятся авторы нарративов, является для них заслугой матерей. Мать В. Ласоцкого «не поддавалась модным французским влияниям и была примером патриотизма» [18, s. 9]. Отец С. Козариновой «был патриотом благодаря своей матери» [15, s. 41].

Что же служит для авторов источников основанием для таких утверждений? Прежде всего, это та роль, которую исполняли польские женщины в семье. Поскольку большинство авторов были выходцами из зажиточных дворянских семей, их матери не занимались производственной деятельностью. Они были озабочены организацией и благоустройством дома и семьи, но в основном не самостоятельно, а с помощью челяди. Дети, весь день бывшие на попечении нянечек, с матерями проводили свободное время. А. Павелчинская вспоминает, что, по рассказам ее деда, мать обучала его польским стихам, сохранению традиций [23, s. 102]. С историей и культурой Польши знакомили детей матери С. Краузовой и К. Скрынского [17, s. 29; 28, s. 4]. У Ю. Ивашкевича этим занималась старшая сестра, а у З. Подгорского — тетка, проживавшая в его доме [12, s. 29; 32, s. 44].

Польские женщины получали домашнее образование или же воспитывались в частных пансионах [11, 6]. Как правило, история Польши преподавалась в середине XIX в. в романтической традиции, а закреплялась в сознании попу-

лярной в дворянских домах литературой. М. Собаньская утверждает, что начала истории Польши включали изучение важнейших битв, жизни королей, выдающихся личностей [29, s. 28]. В такой версии события польской истории, далекой и потерянной Родины окружались ореолом героизма и ностальгии.

Следовательно, именно женщины сквозь призму своей идентичности формировали память о прошлом. Конечно, так выстраивалась индивидуальная память, которая в процессе социализации трансформировалась в память коллективную. Но именно знание, заложенное в первые годы жизни, остается наиболее ярким и цепким.

Следующим важным фактором формирования памяти, кроме первых детских впечатлений от материнских рассказов, является книга. Образы прошлого, воссозданные автором литературного произведения, навсегда обосновываются в памяти, заставляя переживать прошлое путем акта припоминания и творческого воображения.

Если значительная роль матери в становлении национального самосознания предстает практически во всех источниках, то о книгах встречаются различные мнения. В домах М. Лажинского, Ю. Дыяковской, К. Скрынского было много книг, востребованных семьей [19, s. 14; 9, s. 12; 30, s. 4]. В воспоминаниях предстает разная литература: у М. Лажинского две любимые книги — «Робинзон Крузо» и «История Польши», К. Скрынский помнит в библиотеке матери произведения Б. Пруса, Э. Ожешко, Г. Сенкевича. М. Лоскевич в своих воспоминаниях утверждает, что его любимым занятием в детстве было чтение исторических книг [21, s. 7].

Противоположные впечатления о библиотеках встречаем в воспоминаниях М. Ивашкевичевой. Она пишет, что польских книг у жителей городков не было. Только богатые люди давали деньги на приобретение книг для обучения польских детей [13, s. 40]. Вероятно, польская обедневшая шляхта, в кругу которой воспитывалась девушка, не могла себе позволить покупать или выписывать книги.

Еще одно мнение о книжной культуре польского дворянства высказано в воспоминаниях Ю. Крашевского. Он пишет, что в польских домах много книг, ибо домашние библиотеки в моде, хотя их собственники не нуждаются в чтении и книги покрываются пылью [16]. Вообще, данное высказывание вполне соответствует духу самих воспоминаний, в которых польская шляхта обвиняется в легкомыслии, лени, бездеятельности и тому подобных грехах. Следует отметить, что эти воспоминания написаны в середине XIX в., поэтому их с оговоркой можно спроецировать на рубеж веков. Однако симптоматичными являются сами мемуары, выбивающиеся из общей канвы. Их оригинальность свидетельствует о шаблонности и схематичности написания нарративов, об определенной традиции, которой придерживались авторы воспоминаний, на самом деле не отражающих реальной ситуации.

Как известно, память передается не только через семейное воспитание и книги, но также через сохранение и воспроизведение определенных ритуалов, имеющих в сознании ребенка значительность и приобщенность к коллективной памяти. Такими ритуалами были семейные любительские театральные спектакли. Иногда проигрывались только небольшие сценки из пьес, иногда вос-

производились «живые картинки» — сценки из литературных произведений, захватывающие участников подготовкой сцены, костюмов и др. Эти забавы были частью семейного досуга, позволявшей оживить литературные и исторические образы, сделать их ближе и доступнее. Но в этих действиях также угадывается путь упрощения истории, ее превращение в сувенир или живой маскарад. Прошлое становилось лишь игрой, так не похожей на назидательное *Historia magistra vitae*.

Однако иногда ритуалы получают в описании авторов воспоминаний значительность в связи с ценностью их исполнения взрослыми. Так, у М. Ивашкевичевой находим воспоминание о том, что при посещении костела Св. Александра в Киеве отец всегда облачался в мундир [13, s. 72]. Нахождение среди «своих» требовало специальной формы, которая бы подчеркивала твоё место в социальной иерархии, являлась репрезентацией представлений своей идентичности [1]. Равенство перед Богом, проповедуемое церковью, не всегда совпадало с классовой идентичностью, которая формировалась не только осознанием владения «средствами производства», но и влиянием представлений о заслугах предков. Монополия на память дифференцировала общество, позволяя занимать властные позиции в нем.

Власть над памятью и прошлым репрезентовали не только мужчины, но и женщины. Известно, что после разгрома Январского восстания женщины надели черные платья в знак траура, а также чугунные украшения, демонстрировавшие передачу драгоценностей на нужды повстанцев. Именно такие образы женщин мы увидим на картинах Я. Матейко или А. Гротгерга. Соответственно визуальные образы: одежда матери, картины на стене, отцовский парадный мундир, костюмы из кладовой для «живых сценок» и спектаклей — также формировали индивидуальную память. Такая репрезентация имела символическую природу и часто навевала стереотипные образы и представления о прошлом. Фактически налицо становление современного отношения к исторической памяти, представляющей собой сувенир, подделку, китч, пародию на прошлое [7].

В коллективной памяти, формирующейся посредством социализации личности, соблюдения ритуалов, книжной культуры, необходимо выявить и ключевые моменты, подвергшиеся забвению. Трагедией для польского населения стал разгром национально-освободительных восстаний. Особенно чувствительным оказалось поражение Январского восстания, приведшего к «отрезвлению» польского общества и появлению идеологии позитивизма и «реальной политики». Память о восстании сохранялась во многих польских домах, поэтому важно проследить, что и как оставалось в ней, а что подвергалось коллективной амнезии.

Поражение восстания можно считать поворотным моментом в польской истории. Как считает Я. Зерубавель, такие поворотные моменты, будучи глубоко символическими, являются наиболее противоречивыми в связи с их пограничной природой — уходом от прошлого и вступлением в новую эру [2]. Несущие ощущение приобщения к святыне, они очень скоро приобретают мифическую сущность и сохраняют сакральное значение. Но их внутренняя противоречивость определяет и разнообразие политик памяти по отношению к ним.

Следует сказать, что о восстании говорится мельком лишь в нескольких нарративах, которые дают представление о том, каким образом сохранялась

память о борьбе поляков за независимость Родины. Столь малая репрезентация ключевого события истории может служить свидетельством различных политик памяти. Первое, что приходит на ум, — это стратегия коллективной амнезии, забвения. Многочисленные репрессии и притеснения, переселения и экономическое давление настолько сильно ударили по сознанию поляков, что восстание стало коллективной травмой. Путь преодоления травмы долг и труден, и легче всего на определенном этапе ее просто забыть.

Если варшавские позитивисты призывали извлечь уроки из прошлого и вместо апатии и уныния вернуться к созидательному «органическому труду», то массовое сознание жителей юго-западных губерний предпочитало вычеркнуть восстание из памяти.

Вполне вероятно также, что авторы нарративов не до конца определили свое отношение к восстанию. Долгие годы замалчивания сделали данное событие маргинальным в памяти поляков, проживающих в украинских губерниях. Политика примирения с господствующей державой, демонстрируемая поляками этого региона в конце XIX — начале XX в., вытеснила из памяти события, мешавшие достигнуть подлинного компромисса, а потому они отодвигались на периферию сознания.

Нарративы, которые содержат упоминания о восстании, показывают, насколько значимым оно было в судьбах поляков. Так, З. Подгорский пишет, что «дети в доме воспитывались в традициях восстаний», и это означало, что в доме у бабушки постоянно гостили ссыльные, возвращавшиеся в родные места [32, s. 44]. Отец Е. Липинского составил картотеку, куда вносил всех участников восстания, возвращавшихся домой [20, s. 15]. Как утверждает автор, делал он это под влиянием тех патриотических идей, которые были присущи всем польским дворянам края.

В воспоминаниях Ю. Дыяковской восстание также носит характер утраты. Ее бабушка «после конфискации имущества, земель и имения, жила в городе в своем собственном доме». «О восстании, — продолжает она, — не говорили вслух, а только шепотом» [9, s. 15]. М. Лажинский пишет, что «повстанцы в рассказах — богатыри» [19, s. 10].

Названные свидетельства демонстрируют двойственную политику памяти в отношении восстания. С одной стороны, о нем умалчивается. С другой — то, как говорится и что говорится, подтверждает значительность данного события в коллективном сознании. Замалчивание связано с зависимым положением Польши и господствующим имперским дискурсом, но те немногочисленные упоминания, которые проскальзывают в нарративах, определяют значимость семейной памяти в сохранении событий прошлого. Такая семейная память была контрпамятью, не вписывающейся в рамки официального дискурса о «польских инсургентах». Однако из-за немногочисленности упоминаний о восстании трудно установить гендерные особенности стратегий памяти и забвения.

Чем же было продиктовано стремление женщин сохранить и передать детям память о прошлом, и не только своем или семейном, но и национальном? Н. Ювал-Дэвис указывает несколько функций, приписываемых женщинам в патриархальном обществе: биологическое, культурное, символическое воспроизводство нации [33]. Кроме общепринятых ожиданий исполнения биологиче-

ской роли матери, от женщины также ожидали и воспитания детей, верных своей религии, нации, группе. В отсутствие национального государства именно семейная память, носителем и транслятором которой становились женщины, была той опорой, которая позволяла полякам стремиться к независимости своей Родины и в итоге добиться ее.

Понимали ли женщины свою роль в национально-государственном проекте? Нарративы, даже женские, не дают ответа на этот вопрос. Написанные в виде воспоминаний о детстве, они передают лишь опыт и взгляд ребенка, но не женщины-матери. Однако в передаче коллективной памяти видят предназначение матери большинство авторов. В. Велхорский считает, что семейное воспитание стало панацеей при отсутствии польских школ [31]. С. Шимановская, Е. Мошинский, М. Яловецкий и другие считают именно семью, дворянский двор охранителем польскости [30, 22, 14].

Интересным замечанием по этому поводу является видение роли женщины в сохранении коллективной памяти в одном из нарративов. Вероятно, следует воспроизвести цитату целиком, чтобы почувствовать интонацию текста: «Дом — твердь польскости. Задача матери — опровержение того, что в учебниках, обучение литературе, языку, истории». И далее: «Необходимо было сохранить польский дух. Русификация рождала противостояние. На борьбу вставала прежде всего польская семья — воспитание, религиозность, литература» [26, s. 72, 100]. Национальное воспитание здесь подается как главное предназначение женщины, которое она должна исполнить.

Намного ли самосознание польской женщины отличалось от представленного в нарративах, сегодня невозможно установить. Вероятно, что не все принимали на себя роль культурного воспроизводителя нации и репрезентанта коллективной памяти, хотя сконструированные и навязанные обществом стереотипы бытовали на практике.

Ситуация конца XIX — начала XX в. показывает зарождение новых идеологий — националистической и революционной. Кроме известных в историографии причин их становления, до сих пор не раскрытым остается вопрос, как при общей политике забвения национального прошлого, при господствующем реалистическо-рациональном мировоззрении капиталистического общества поляки умудрились не забыть историю своего народа и стремились к восстановлению государства. Будет уместным считать, что решающей фигурой сохранения памяти о национальном прошлом, объединявшем поляков Российской империи, даже если проживали они в Петербурге или Виннице, была польская женщина.

Мало влияя на официальную политику памяти или же на представления о прошлом, которые конструировались историками, женщины сохраняли семейную память и передавали ее последующим поколениям. Занимая в целом подчиненное положение в среде институтов формирования памяти, семья оказывалась в действительности той доминирующей структурой, которая сохраняла и воспроизводила альтернативную память. Именно эта альтернативная память помогла в начале XX в. объединить польское общество вокруг идеи независимого государства. Незаметной и вычеркнутой господствующим патриархатным дискурсом, обойденной историей оказалась личность женщины, сберегшей эту коллективную память нации.

Библиографический список

1. *Бурдые П.* Идентичность и репрезентация : элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab imperio*. 2002. № 3. URL: <http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=contents&idlang=2> (дата обращения: 07.03.2012).
2. *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // *Ibid*. 2004. № 3. URL: <http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=1041&idlang=2> (дата обращения: 22.03.2012).
3. *Иванова Е. Ф.* О гендерных особенностях памяти // *Гендер. исслед.* 1999. № 2. С. 242—252.
4. *Иванова Е. Ф.* Память об исторических событиях : (на материале Холокоста) : гендерный аспект // *Социальная история. Женская и гендерная история*. М. : Невский простор, 2003. С. 217—234.
5. *Мещеркина Е. Ю.* Структура женской биографии в отличие от мужской // *Устная история и биография : женский взгляд*. М. : Невский простор, 2004. С. 221—253.
6. *Николаенко О.* Жіноча освіта в середовищі польського населення південно-західних губерній Російської імперії в 60-х рр. XIX — початку XX ст. // *Історичний архів*. 2008. В. 2. С. 138—146.
7. Размышления о памяти, империи и нации : круглый стол (Т. Джадт. ««Места памяти» П. Нора. Чьи места? Чья память?»), М. Лоскутова. «О памяти, зрительных образах, устной истории и не только») // *Ab imperio*. 2004. № 1. URL: <http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?idlang=2&state=shown&idnumb=33> (дата обращения: 15.03.2012).
8. *Репина Л. П.* Историческая память и современная историография // *Новая и новейшая история*. 2004. № 5. С. 39—51.
9. *Dyakowska J.* Wspomnienia // *Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu*. Sygn. 15 375.
10. *Ely R., McCabe A.* Gender differences in memories for speech // *Gender and Memory*. Oxford : Oxford university press, 1996. P. 17—30.
11. *Epsztejn T.* Edukacja dzieci i młodzieży w polskich rodzinach ziemiańskich na Wołyniu, Podolu i Ukrainie w II połowie XIX wieku. Warszawa : DiG, 1998. 233 s.
12. *Iwaszkiewicz J.* Książka moich wspomnień. Kraków, 1957.
13. *Iwaszkiewiczowa M.* Wspomnienia // *Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu*. Sygn. 13 173.
14. *Jalowiecki M.* W słońcy // *Pamiętnik Kijowski*. Londyn, 1963. T. 2. S. 243—284.
15. *Kozarynowa Z.* Sto lat gawęda o kulturze środowiska. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1992. 325 s.
16. *Kraszewski J. I.* Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy. Warszawa : Wydawnictwo LSW, 1985. 212 s.
17. *Krauzowa Z.* Rzeki mojego życia. Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1979. 290 s.
18. *Lasocki W.* Pamiętniki mojego życia. Kraków : Gmina Stoł. Król. Miasta Krakowa, 1933. T. 1. 495 s.
19. *Łazynski M.* Sto lat bez mała : wspomnienia lekarza y lat 1869—1956. Warszawa : PZWL, 1961. 320 s.
20. *Lipinski E.* Pamiętniki. Warszawa : PWN, 1950.
21. *Łoskiewicz-Paszkowicz M.* Wspomnienia // *Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu*. Sygn. 15 518.
22. *Moszyńscy E. i K.* Szkice i wspomnienia z ziemi Owruckiej na Wołyniu // *Pamiętnik Kijowski*. T. 2. S. 217—232.
23. *Pawelczyńska A.* Koniec kresowego świata. Lublin : Wydawnictwo TEST, 2003. 418 s.

24. *Podchorski P.* Moje wspomnienia // Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 15 657.
25. *Pokrzywnicki E. J.* Zywoty i sprawy // Ibid. Sygn. 15 415.
26. *Rodowicz W., Rodowiczowa S., z Rodowiczow Iwanicka Z.* Tryptyk rodzinny. Dzieje rodziny Rodowiczów. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1999. 462 s.
27. *Rostworowski A.* Ziemia, której już nie zobaczysz : wspomnienia kresowe. Warszawa : Czytelnik, 2001. 502 s.
28. *Skrzyński K.* Wspomnienia z lat 1891—1917 // Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 15 585.
29. *Sobanska z Grocholskich M.* Wspominki nikle. Grodzick Mazowiecki : Primum, 2002.
30. *Szymanowska Z.* Opowieść o naszym domu. Warszawa : Polskie Wydawnictwo Muzyczne, 1977.
31. *Wielhorski W.* Firma Leon Idzikowski w Kijowie // Pamiętnik Kijowski. T. 2. S. 215—216.
32. Wspomnienia generała Z. Podhorskiego // Ibid. Londyn, 1980. T. 4. S. 39—88.
33. *Yuval-Davis N., Anthias F.* Women — Nation — State. London : Sage Publication, 1986.

ББК 63.3(2)53-284.4

Е. Н. Меньшикова

**АНАЛИЗ «ВЫДАЮЩИХСЯ ЧЕРТ»
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЛИКА ЖЕНЩИНЫ-КУПЧИХИ
ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ В 60—90-е гг. XIX в.
(На примере купеческого семейства Гладковых
из Курской губернии)**

В современной отечественной историографии при всем многообразии проблематики, составляющей предметное поле истории русского купечества¹,

---

© Меньшикова Е. Н., 2012

Исследование выполнено при частичной финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг. (государственный контракт № 16740110545 от 23 мая 2011 г.).

¹ На сегодняшний день в научном дискурсе, связанном с историей российского купеческого сословия, сложилась определенная модель изучения истории как столичного, так и провинциального купечества. Она включает в себя ряд следующих проблем: состав и источники пополнения купеческого сословия, предпринимательская деятельность купечества, процесс формирования купеческого капитала, участие в структурах городского управления, в политических партиях (после октября 1905 г.), благотворительность купечества, демографические характеристики купеческой семьи (людность, брачно-возрастные особенности, структура), особенности купеческого быта и материальной культуры. Однако по-прежнему преобладают научные работы с андроцентричным подходом к исследованию. Оторваться от ставших традиционными вопросов и сфокусировать внимание на женщинах, той части купечества, которая численно преобладала на всем протяжении пореформенного периода в Курской губернии, — цель, которую преследовал автор в настоящей статье.